

УДК 316.33

М.Г. Соколовская

ст. преподаватель каф. политологии и социологии
Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина
e-mail: lllogos@list.ru

КИНИЗМ И УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ О ПРЕОДОЛЕНИИ ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА

Рассматриваются взгляды киников и социалистов-утопистов на различные аспекты преодоления гендерного неравенства в идеальном государстве. Решение этой проблемы, в первую очередь, они связывают с освобождением общества от социально-классовых противоречий, необходимостью повышения интеллектуального и культурного уровня женщин посредством создания общей с мужчинами системы образования. Киники и социалисты-утописты доказывают важность более широкого участия женщин в производственной (но не общественной) деятельности, предлагают семейные и сексуальные отношения мужчин и женщин строить исключительно на свободе выбора (в некоторых концепциях допускается примитивизация этих отношений в контексте «общности жен и детей»). В гендерной сфере допускается масштабный государственный контроль и регламентация.

Введение

Проблема гендерного неравенства насчитывает ровно столько лет, сколько и само человечество. В рамках различных научных и политических традиций эта проблематика интерпретировалась различным образом, периодически достигая своих крайних деструктивных форм, связанных с отказом от признания женщины в качестве сознательного и полноправного социального субъекта.

Одновременно, в том числе и на стадии патриархата, стали рождаться концепции, которые в той или иной степени подвергали гендерное неравенство критическому осмыслению и оспариванию. Даже в таких жестко патриархальных историко-культурных системах, как античность и христианство, существовали представления о позитивной инаковости женщин и о свойственных им безусловно высоких личностных качествах. Существовали концепции, доказывающие невозможность успешной социальной организации без конструктивного и созидательного «женского вмешательства». Такого рода утверждения и концептуальные обоснования в некоторой степени смягчали императивы патриархата применительно к отдельным социальным сегментам, но не отменяли их. Тем более они не ставили вопроса об общественной эмансипации женщин, ссылаясь чаще всего на естественные дефекты «женской природы».

Со всей остротой и последовательностью проблема преодоления гендерного неравенства впервые была поставлена в рамках утопического социализма, который предложил широкий спектр форматов (проектов), ориентированных на построение идеального общества, в которых (в одних полностью, в других преимущественно) будут преодолены гендерные различия и возникнет известная гармония в отношениях между полами. При всей очевидной заслуге социалистов-утопистов в разработке этой темы в научной литературе, однако, отсутствуют специальные работы, посвященные изучению их «гендерного творчества», что является целью данной статьи.

Киники о преодолении гендерного неравенства

При изучении гендерной проблематики, разрабатывавшейся социалистами-утопистами, целесообразно первоначально обратиться к их предтечам – **киникам**, поскольку, как справедливо отмечал советский философ И.М. Нахов, в кинизме мы находим систему, «обнаруживающую поразительное типологическое сходство с примитивным утопическим уравнильным коммунизмом» [1, с. 131]. Действительно, у кинизма

как политико-идеологической системы по подавляющему большинству параметров наблюдается кровнородственность с утопическим социализмом. Это и отрицание частной собственности («сребролюбие – метрополия всех зол»), и потребительский аскетизм, и социальное равенство в уравнительном варианте, и мечта о приближении «Золотого века» (утопический остров «Пэра» («котомка нищего»)), в котором между людьми будут преодолены эксплуатация, неравноправие и наступит «кинический рай», в котором исчезнут алчные собственники.

Представители утопического социализма позаимствовали у киников и широкий спектр их воззрений, касающихся отношений между мужчинами и женщинами. Остановимся на этом подробнее, осознавая, что киническое движение разворачивалось на протяжении многих столетий, а следовательно, в различных его школах неизбежно присутствует расхождение подходов по многим позициям, включая и гендерные.

В первую очередь, отметим то, что негативное отношение к институту частной собственности многие киники переносят и на семейные отношения, проповедуя общность жен, мужей и детей или вообще отрицая необходимость семьи и брака для жизни достойного и счастливого человека, как это делал, например, Диоген Лаэртский.

Такой подход имел несколько оснований. Первое: по своей природе семья включает в себя «мое», частное, предполагает обладание имуществом, что порождает собственнические инстинкты, которые неизбежно оказывают губительное влияние на личность. Отсюда у киников ориентация на борьбу против существующей в древнегреческом обществе традиционной (и священной) семьи, основанной на официальном браке и находящейся под покровительством верховных божеств – Зевса, Геры, Артемиды.

Второе: семейная жизнь требует большого поглощения, напряжения и объективации всех жизненных и сущностных сил человека, накладывая на него определенные обязательства по воспитанию, содержанию семьи, формируя сильные привязанности к домочадцам. С точки зрения киников, все это неизбежно будет отвлекать его от выполнения божественной миссии по переустройству мира, освобождению человечества и социальному миссионерству. Для киника семьей выступало все человечество.

Третье: в отношениях между мужчиной и женщиной, тем более между мужем и женой, весьма значим фактор страсти, чувственности, эротического влечения. Следовательно, человек может оказаться в плену эмоций и аффектов, что чревато для него печальными последствиями: разрушением личности по причине отхода от императивов нравственности, рассудка и разума. В некоторых случаях в чувственном вожделении может быть заключены такие мощь и всеохватность, которые способны навязывать мужчине чужую волю, поставив его в рабское положение («любовь-рабство»). По этой причине Антисфен называл любовь «злом природы» и «делом бездельников».

Четвертое: слишком близкие отношения с женщиной, как полагали многие киники, препятствовали бы формированию между людьми (особенно между мужчинами) подлинного братства, единства, близости и дружбы.

Некоторая (небольшая) часть киников, ратуя за эмансипацию общества, т.е. избавление его от всех форм угнетения и дискриминации, выступала сторонниками эмансипации женщин, их равенства с мужчинами в различных сферах, что для античности, воспринимавшей женщину как вторичное и социально ограниченное существо, в лучшем случае как «старшую служанку» (Ф. Энгельс), являлось революционным и радикальным. Подобная позиция основывалась на признании достоинства личности женщины и того, что большинство добродетелей присущи мужчинам и женщинам в равной степени. Наряду с этим для киников принципиальное значение имело то, что человек воплощает в себе свободу духа, которая не имеет половых различий.

В силу же того обстоятельства, что социальные возможности и функции женщины суть «от природы» ограничены, то императив равенства распространялся преимущественно на мужчин.

щественно на моральное равенство полов, утверждение принципа взаимной духовной близости и любви. Безусловным являлось и признание права женщины на выбор мужчины на основе ее индивидуальной склонности и симпатии. Поэтому некоторая (меньшая) часть киников настаивала на необходимости признания прав любви и взаимного чувства мужчины и женщины, тем более в ситуации, когда перед их глазами выступал равноправный и счастливый брак по любви Кратета-кинника и Гиппархии, снискавшей себе славу женщины-философа.

Однако в целом большинство киников исходили из признания природных различий между полами, примитивизма и порочности сущности женщины и видели в них исключительно источник соблазнов, чрезвычайно опасный для мужчин, что обесценивало само общение между ними. Так, Диоген Синопский называл красивых гетер медовым напитком, куда подмешан яд. В свою очередь, Антисфен отмечал: «Кого брать в жены? – Возьмешь красавицу – со всеми шляется, возьмешь ледащую – жизнь пропадающая» [Цит. по: 1, с. 107]. Подобные представления естественным образом ограничивали гармонию в брачных отношениях между мужчиной и женщиной, которые в подавляющем большинстве случаев своей целью имели только воспроизводство рода. Древняя Греция, как правило, не знала браков по любви.

В целом же отношения между мужчиной и женщиной окрашивались преимущественно в эротические тона, поскольку «от природы не убежать». Плотская неразборчивость, в свою очередь, оборачивалась «базарной Афродитой». Так, Зенон и Хрисипп предлагали воспринимать отношения мужчин и женщин в том контексте, что «каждый встречный может попользоваться любой встречной». Антисфен и Диоген, несмотря на весь свой моральный ригоризм, любили проводить время с куртизанками. Диоген требовал общения мужчин с любой женщиной, которая только согласится на это [1, с. 130]. Как справедливо отмечал А. Лосев, подобное поведение могло основываться, с одной стороны, на презрении к женщине, а с другой – оно было обусловлено тем, что «античный кинизм – это есть именно эстетика безобразного... все, что есть в человеке животного, с какой-нибудь точки зрения низкого, низменного, некрасивого, неприличного, все это – дозволено, законно, прилично, красиво» [2, с. 57, 60].

В соответствии с этим императивом всякий налет искусственности и желания мужчины улучшить свою внешность подвергается киниками остракизму. Происходит повсеместное осуждение ими стремления представителей сильного пола, вопреки своей природе, «наводить красоту», украшать свои тела и внешний вид, следовать моде, поскольку, по их убеждению, стремление всячески прихорашиваться является свойством исключительно женщин, но ни в коем случае не мужчин, для которых предпочтительнее быть голым, нежели «ходить в шелках и пурпуре».

Социалисты-утописты XV–XVII вв. об общественной эмансипации женщин

В наибольшей степени проблема женской эмансипации была поставлена и проработана в трудах *социалистов-утопистов*. Так, в идеальном государстве «Утопии» английского мыслителя и политического деятеля Т. Мора сохраняется патриархальность семейных отношений, где «во главе хозяйства стоит старейший. Жены служат мужьям, дети – родителям, и вообще младшие по возрасту – старшим» [3, с. 192–193]. Эта же патриархальность сохраняется и в системе управления, в которой правителями всех уровней являются исключительно мужчины. Но в остальных общественных сферах можно уже зафиксировать высокий уровень гендерного равенства. Это касается и системы образования, где все мужчины и женщины вместе учатся в часы, «свободные от трудов», усердно развивая свои знания и умения, занимаясь даже военными упражнениями. Это относится и к трудовой деятельности, в особенности сельскому хозяйству, которым призваны заниматься все без исключения. Женщина перестает уже быть

«узницею дома». Если между женщинами и мужчинами и существует разделение труда, то вызвано оно исключительно физиологическими факторами, поскольку очевидно, что, к примеру, для первых сподручнее прядение шерсти, а для вторых – ремесло каменщиков и плотников и, в целом, мужчинам поручаются самые трудные виды работ. Единым для всех выступает и формат потребления, поскольку «все у них общее» и «счастливым управлять делами человеческими невозможно иначе, как вовсе уничтожив собственность» [3, с. 164]. Гендерно универсальными для жителей «Утопии» являются и ценностные стандарты социального поведения.

Что же касается супружества, то оно предполагает равенство по степени ответственности за семейный союз и отвергает любое проявление полигамии («утопийцы довольствуются одной женой»), прелюбодеяния, следование чувственной страсти и распутству. Даже если мужчина и женщина до супружества будут соединены тайной страстью, то их тяжело наказывают, невзирая на половые различия. В целом же, как отмечает А. Лосев, «у Мора выпирает на первый план... примат государства над семьей», и «оно самым существенным образом вмешивается в брачные дела» [4, с. 564–565].

Доминанта гендерного эгалитаризма наблюдается и в трудах итальянского социалиста-утописта Т. Кампанеллы, за исключением, как и в концепции Т. Мора, системы организации власти в обществе. Все руководители «Города Солнца» (Метафизик, Мудрость, Мощь, Любовь и др.) являются исключительно представителями сильного пола. Некоторые исследователи, указывая на то, что в нем (утопическом государстве), существует общность жен, делают вывод об их (женщин) социальной вторичности, забывая о том, что подобный феномен естественным образом предполагает и общность мужчин. Следовательно, в этом социальном сегменте между полами существуют вполне паритетные отношения. Возможно, правда, с точки зрения современного человека женщины находятся в более уязвимом положении по причине большей привязанности к рожденным ею детям, учитывая тот факт, что их рождение исходит из интересов государства, а вскормленный грудью ребенок передается для правильного воспитания «на попечение начальников».

В остальных же общественных сферах «Города Солнца» можно наблюдать равенство, преимущественно в его «казарменном варианте», предполагающее жесткую регламентацию жизни мужчин и женщин, которая представлена и в одежде («мужчины и женщины носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен»), и местах проживания («дома, спальни и кровати у них общие»), и даже в такой сфере, как получение допуска к «половым сношениям» («ни одна женщина не может вступить в сношение с мужчиной до 19 лет, а мужчина не допускается к женщине – до 21 года»), определения способности жителей города к «совокуплению», их частоты («каждая третья ночь»). Более того, именно Начальник Любви уполномочен, созерцая мужчин и женщин, обнаженных на занятиях в палестре, принять решение, кто из них в наибольшей степени подходит друг другу.

Некоторые различия существуют только в трудовой сфере, обусловленные физиологией пола: «Работают все, однако наиболее тяжелые работы закрепляются за мужчинами: пахота, сев, сбор плодов... К женскому труду относятся те работы, которые исполняются сидя или стоя: тканье, пряденье, шитье, изготовление лекарств... К живописи женщины допускаются, если обнаруживают к ней способности. Музыкой же занимаются исключительно женщины. Они же готовят и накрывают на стол» [5, с. 89].

Английский социалист-утопист Дж. Уинстэнли, обращаясь к гендерной проблематике, также настаивает на ее эгалитарном прочтении, в значительной степени избавленном от патриархальности и сексизма. В его представлении, в идеальном обществе, основанном на «законе свободы» и «законе справедливости», первоэлементом социаль-

ных отношений является семья, созданная (что принципиально) на основании свободного выбора и без всякого внешнего принуждения как мужчины, так и женщины. При этом институт семьи настолько важен для социального организма, что в нем допускается существование частного в виде дома как своеобразной нерушимой крепости супружеской пары и их детей. Согласно Дж. Уинстэнли, в Республике утверждается однозначная и безусловная моногамия, в рамках которой муж и жена взаимно принадлежат друг другу, равно как и их дети. Лидерство за мужчиной в семейных отношениях сохраняется, однако, прежде чем стать реальным главой семьи, он должен достичь определенного возраста и убедить сообщество в своей способности к разумному поведению. Речь идет о создании своеобразной защиты семьи (и женщины) «от дурака». Важно и то, что в обществе недопустима «кража женской личной свободы» и посягательства на ее честь и достоинство. Поведение мужчины по отношению к женщине жестко регламентируется. Если же в той или иной форме обнаружится акт агрессии с его стороны, который «в безумии своем допустит грубость или насилие по отношению с женщинами, ссылаясь на общность, то соответствующие законы покарают его, ибо законы республики суть законы умеренности, трудолюбия и чистоты нравов» [6, с. 116].

Существенным образом утверждению известной гармонии в отношениях между мужчинами и женщинами должно послужить всеобщее, равное, обязательное образование, включающее и обучение на основе свободного выбора профессии. Мальчики и девочки должны обучаться совместно, но последние в силу природной предрасположенности наряду с грамотой и музыкой с удовольствием будут осваивать портняжное искусство, а также прядение и вязание. При этом Республика нацелена на то, чтобы всячески поощрять молодых тружеников в поиске новых приемов труда, в изобретениях и научных открытиях.

На свободе брачного выбора как важного компонента преодоления гендерного неравенства настаивает и французский мыслитель Жан Мелье, убежденный, что можно радикально уменьшить число неудачных браков, если предоставить «одинаковую свободу мужчинам и женщинам беспрепятственно сходиться, следуя своему влечению, равно как свободу расходиться и расставаться друг с другом, когда им станет в тягость совместная жизнь или когда новое влечение побудит их к заключению другого союза» [7, с. 132].

Гендерные аспекты социальных концепций социалистов-утопистов XIX в.

Социалистическая тенденция, провозгласившая необходимость установления гендерного равенства, в полной мере проявилась и в трудах европейских социалистов-утопистов XIX в. Так, французский мыслитель Ш. Фурье высказал и обосновал позицию, что стремление сделать всех женщин домохозяйками свидетельствует о порочности такого социального механизма и что степень эмансипации женщин является естественным мерилем общей эмансипации социума. Изучая современное ему социальное устройство, он не только констатировал бедственное положение народа, но и указал на то, что в еще более угнетенном состоянии пребывают женщины, которые «больше, чем мужчины, подвергаются опасности не иметь занятия и зарабатывать так мало, что у них нет никаких источников существования, кроме как в проституции» [8, с. 247]. Фурье настаивал на том, что несчастливость женщин является ключевым аргументом в доказательстве «дикости» существующего общественного устройства.

В разработанной им фаланге как социальном образовании свободных индивидов преодолевается угнетенное положение женщины, а также социальные противоречия между ними и мужчинами, поскольку оба пола будут трудиться в рамках справедливого способа распределения, воздающего каждому участнику трудового процесса согласно «его трем производственным данным – *капиталу, труду и таланту*», что законо-

мерным образом приводит к рождению у людей страсти к «весьма приятным и весьма прибыльным работам». В этих обстоятельствах женщины получают возможность в полной мере проявить свои таланты, выходящие за пределы домашнего очага. Фурье отмечает, что ни в коем случае «нельзя исключать «женщин из области медицины и образования, сведения их деятельности к шитью и горшку». Природа, в том числе, раздает обоим полам равными долями способность к наукам и искусствам. Более того, должны быть сняты все ограничения и для их карьерного продвижения. Поэтому «всякая женщина, желающая прославиться и имеющая некоторые денежные средства, может притязать на пальму основательницы всемирного единства и устроиться главой опытной кампании» [9, с. 270]. Однако и в этой столь благоприятной социальной ситуации, способствующей самореализации личности, невозможно, согласно Фурье, в трудовой сфере преодолеть некоторые природные (физические) ограничения между полами. Исходя из этого, в «опытной фаланге», например, столярное производство и большие земледельческие работы будут закреплены за мужчинами, а парфюмерное – за девушками, женщинами. Некоторые же разновидности труда в равной степени соответствуют способностям мужчин и женщин, например, «кондитерское дело».

Разделение труда между мужчинами и женщинами сохраняется и в концепции английского социалиста-утописта Р. Оуэна, полагающего, что женщины должны быть представлены на производствах, но только в тех его частях, которые им доступны, причем они не должны там работать более четырех или пяти часов в сутки. Остальное время посвящается уходу и воспитанию детей, кухонным работам и выращиванию овощей на огородах для снабжения собственной кухни. Кроме этого, Оуэн делал акцент на том, что для достижения гендерного равенства необходимо, сделать так, чтобы мужчины и женщины правильно воспитывались и обучались с целью приобретения свойств разумного существа» и понимания собственной природы. По его убеждению, достойное, хорошее общество может быть создано только мужчинами и женщинами, воспитанными таким образом, что являются разумными в своих чувствах, мыслях и действиях.

В свою очередь, французский социалист-утопист А. Сен-Симон придавал минимальное значение гендерным отношениям, полагая, что лучшее общественное устройство, ведомое «индустриалами», усовершенствует весь спектр общественных связей и взаимодействий. В своих трудах под абстрактным человеком он понимал только мужчину и во всех своих сочинениях лишь единожды употребил слово «женщина». Однако в «Новом христианстве», провозглашенном сен-симонистами, громко и однозначно прозвучал тезис о *восстановлении плоти*, предполагающий свободу чувственных половых отношений между мужчинами и женщинами, что облегчит, в свою очередь, исчезновение экономической базы единобрачия – частной собственности. При этом свободу полов и половой любви должно обеспечить государство, осторожно применяя чисто моральные формы руководства.

Российские революционные демократы о преодолении гендерного неравенства

В наиболее острой форме проблемы гендерного неравенства были поставлены и разработаны российскими революционными демократами В. Белинским, А. Герценом и Н. Добролюбовым. В первую очередь, эти мыслители констатируют бедственное положение женщины во всех сегментах российского общества, высказывают по этому поводу рвущую душу горечь, указывая, что на ее социальном положении лежит «печать разврата». В представлении В. Белинского, женщина должна восприниматься не иначе как «жертва, раба новейшего общества... Сколько прекрасных женственных созданий, рукою дражайших родителей бросаемых на растление скотам, вследствие расчета или бессознательности!» [10, с. 348].

С наибольшей же силой социальное положение женщины «поражено» на производстве, в трудовой деятельности, где она, «съедаемая капиталом», подвергается нещадной эксплуатации и находится в более уязвимой ситуации, нежели мужчина. Женщина же, за редким исключением, исключена и из общественных практик, что также нивелирует ее социальный статус и возможности. Эксплуатация и бесправие женщины в полной мере распространяются и на семейную жизнь, где она выступает в своей перманентной вторичности, в вечной опеке со стороны мужчины, в жизни «на содержании», в унижительном несовершеннолетии, требующем контроля со стороны представителя сильного пола. Как восклицает Н. Добролюбов, «неужели женщина всегда должна быть страдальцей и рабой, имеющей свою долю власти только тогда, когда рассудок мужчины помрачается страстью? Пора определить хотя бы равенство одних семейных-то отношений мужчины и женщины» [11, с. 479–480]. Отсюда его декларация о необходимости обязательного достижения равенства женщины в семейных отношениях.

В трудах этих авторов присутствует наличие скорее веры, чем рациональной убежденности в том, что наступят иные, безусловно, лучшие в гендерном отношении времена, когда женщина перестанет быть рабой и жертвой общества и мужчины. С особой силой и очевидностью это проявится любовных (и сексуальных) отношениях мужчин и женщин, поскольку она уже получит возможность не продавать свое тело и душу, а «свободно будет предаваться своей склонности, не теряя доброго имени, в одной любви» [10, с. 350].

Решение «женского вопроса» во всех его проявлениях российские революционные демократы видели через освобождение от сковывающих ее социальных уз, что достижимо только посредством общественной эмансипации, т.е. радикального преобразования общественных отношений на новых социалистических принципах. При этом революционное дело и практика – это прерогатива не только мужчин, но и сами женщины должны стать активными участниками революционных действий.

Обоснование гендерного равенства помимо убеждения в необходимости достижения социального равенства между различными классами и социальными группами основывалось также на колоссальной вере в личностный потенциал женщин, в силу и красоту их добродетелей. Так, Н. Добролюбов в своей работе «Луч света в темном царстве», характеризуя Катерину, видит в ней сосредоточение лучших женских качеств и проявление безусловной духовной силы. Он отмечает, что ее образ «сосредоточенно-решителен, неуклонно верен чутью естественной правды, исполнен веры в новые идеалы и самоотверженен в том смысле, что ему лучше гибель, нежели жизнь на тех началах, которые ему противны... В этой цельности и гармонии характера заключается его сила... Ее поступки находятся в гармонии с ее натурой... она и не может от них отказаться, хотя бы это имело самые гибельные последствия» [12, с. 268]. В пьесе А. Островского «Гроза» образ Катерины выглядит гораздо более рельефным, чем образы героев-мужчин. По мнению Н. Добролюбова, в Катерине воплотилась «великая народная идея» – идея освобождения общества от различных видов несправедливости.

Заключение

1. Проблематика преодоления гендерного неравенства социалистами-утопистами непосредственно связывалась с освобождением всего общества от социальной несправедливости, что естественным образом должно привести и к общественной эмансипации женщин.

2. Важным являлся акцент на равный доступ мужчин и женщин к образованию и культуре, что позволило бы изначально уравнивать их жизненные шансы и возможности.

3. Несмотря на то, что идеальное общество, представленное в трудах социалистов-утопистов, основывалось на предельно эгалитаристских принципах, большинство

из них настаивали на сохранении патриархальной семьи, правда, в несколько «смягченном» варианте.

4. Ряд представителей этого направления рассматривали отношения между мужчиной и женщиной в вульгаризированном формате, особенно в контексте выполнения ими сексуальных ролей (общность жен, свобода любовных связей и др.).

5. Предлагалось с целью преодоления «семейного ига» и достижения большей независимости расширить участие женщин в трудовом процессе. При этом сам выбор трудовой деятельности должен быть основан на их естественной природной склонности. В полной мере это относится и к общественно-политической деятельности.

6. Предусматривалось осуществление масштабного контроля государства за отношениями мужчин и женщин, в том числе и в интимной сфере.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Нахов, И. М. Философия киников / И. М. Нахов. – М. : Наука, 1982. – 223 с.
2. Лосев, А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А. Ф. Лосев. – М. : Искусство, 1969. – 728 с.
3. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М. : Наука, 1978. – 415 с.
4. Лосев, А. Ф. Эстетика возрождения / А. Ф. Лосев. – М. : Мысль, 1982. – 623 с.
5. Кампанелла, Т. Город Солнца / Т. Кампанелла. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1956. – 288 с.
6. Уинстэнли, Дж. Закон свободы / Дж. Уинстэнли // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 110–123.
7. Мелье, Ж. Завещание / Ж. Мелье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 129–136.
8. Фурье, Ш. Заблуждение разума, доказанное смехотворными сторонами неопределенных наук / Ш. Фурье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 246–252.
9. Фурье, Ш. Новый хозяйственный и социетарный мир / Ш. Фурье // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 261–294.
10. Белинский, В. Г. Из писем В. П. Боткину / В. Г. Белинский // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 347–351.
11. Добролюбов, Н. А. Рецензия на роман М. И. Воскресенского «Наташа Подгорич» / Н. А. Добролюбов // Утопический социализм : хрестоматия. – М. : Политиздат, 1982. – С. 479–480.
12. Добролюбов, Н. А. Луч света в темном царстве / Н. А. Добролюбов // О классиках русской литературы. – Минск, 1976. – С. 180–210.

Рукапіс паступіў у рэдакцыю 16.11.2018

Sokolovskaja M.G. Cynicism and Utopic Socialism on Gender Inequality Overcome

In the article cynics and socialists-utopians consider various aspects how to overcome gender inequality in an ideal state. The solution of this problem, first of all, is related to the society liberation from social and class contradictions. It is necessary to increase an intellectual and cultural level of women through the creation of common with men system of education. It is argued the importance of greater women participation in productive (but not public) activities. It is proposed to build family and sexual relations between men and women purely on a freedom of choice. In some concepts, primitivisation of these relations is possible in terms of wives and children community. In the gender area, large-scale state control and regulation are allowed.